

Парадокс европейской демократии

Нынешний кризис показал, что, несмотря на все разговоры о солидарности, готовность европейской общественности «нести общее бремя» не выходит за рамки национальных границ | **ИВАН КРАСТЕВ**

«С начала Греция потянет за собой в пропасть французские банки, но и немецким в конечном счете не удастся избежать той же участи, а это поставит в тяжелое положение Италию. Если все пойдет именно так, Италия подтолкнет к бездне Испанию, за Испанией последует Португалия, а за Португалией — Ирландия... Потом банки на континенте закроются и в банкоматах закончатся деньги. И тогда на улицах Рима появятся полевые кухни... Когда в апреле 2012 года Греция фактически и юридически обанкротится, в Люксембурге соберется Комитет спасения Европы и приостановит действие всех договоров».

Так, по мнению выдающегося британского историка Нормана Дэвиса, в учебниках истории будет когда-нибудь описан распад Европы, который происходит на наших глазах ¹. Мне кажется, Дэвис ошибся лишь в частности: Комитет спасения Европы для похорон Европейского союза создаваться не будет, да и вообще обойдутся без драматических жестов. Однако, полагаю, он прав, утверждая, что очередной «мир вчерашнего

дня» исчез еще до того, как нам удалось заметить сколько-нибудь серьезные признаки его увядания. Если искусственно созданные, рукотворные миры — политические и культурные — исчезают, то это происходит быстро. И действительно, Европейский союз в том виде, в каком мы его знали, исчез год или два назад. Элиты потеряли ориентиры, общество — терпение. Официальная мантра евросоюзной элиты беспрестанно твердит нам, что граждане Европы спасут Союз. Она звучит настолько отчаянно, что, услышав ее, некоторые привилегированные, космополитичные европейцы и вправду воображают, будто их лидеры смогут повторить — на этот раз в полном объеме и с полным успехом — процесс, подобный федерализации долга усилиями Александра Гамильтона в Америке после Гражданской войны, что поспособствовало бы воссозданию успешной панъевропейской политики ². Но у еврозоны нет своего Гамильтона, да и в любом случае евросоюзных граждан не так уж много. Гораздо вероятнее, что реальные граждане конкретных европейских стран уничтожат то, что осталось от «Европы» либо путем голосования, либо выйдя на улицы (тут шансы примерно 50:50). Нынешний кризис со всей болезненностью показал, что, несмотря на все разго-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ИВАНА КРАСТЕВА (IVAN KRASDEV) "EUROPE'S DEMOCRACY PARADOX", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE AMERICAN INTEREST (VOL. VII, NO 4, MARCH/APRIL 2012, P. 41-47) © 2012, THE AMERICAN INTEREST LLC. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE AMERICAN INTEREST

воры о солидарности, которые мы слышим уже много лет, готовность европейской общественности «нести общее бремя» не выходит за рамки национальных границ.

Назовем вещи своими именами: на самом деле Европа переживает не финансово-экономический, а гораздо более глубокий, социально-политический кризис, финансово-экономические проявления которого — лишь симптом. И этот глубокий кризис возник не только из-за дефицита демократии в отношениях между Центром Европейского союза и его частями и не потому, что нынешние европейские лидеры менее преданы идее подлинно федеративного союза, чем их предшественники. Он возник в результате совокупности серьезных трансформаций, которые претерпели самые что ни на есть либерально-демократические режимы в Европе. У граждан Европы нет шансов спасти ЕС хотя бы потому, что европейского *демоса* не существует. Но и сохраниться в качестве элитарного проекта Евросоюз уже не может, потому что кризис резко обострил процесс демонтажа самих направляемых элитами демократий Европы.

Мы с готовностью признаём, что демократическое правление является продуктом общественно-исторического развития, характерного только для некоторых регионов и обществ, а также то, что поведенческие и институциональные предпосылки демократии распределены по планете неравномерно, как и полагали Монтескье, Локк и многие другие политические философы их времени. Иными словами, мы соглашаемся с тем, что перспективы демократии, хотя и открыты любому обществу или народу, распределены *по горизонтали* неравномерно. Но мы на удивление слепы к вариативности демократической перспективы по оси времени, или, так сказать, *по вертикали*. Между тем социальная база демократии претерпевает непрерывные, хотя и медленные перемены. И конфи-

гурация факторов, способствовавших становлению и сохранению демократии, однажды может измениться, даже если формальные демократические структуры останутся незатронутыми³. В результате мы получим медленно надвигающееся структурное несоответствие между социальной реальностью и наличным политическим инструментарием, что в конечном итоге может стать угрозой для демократии. Нам привычно говорить об упадке общественных институтов в ходе исторического процесса, но мы почему-то уверены, что с нами такого не случится.

Но именно это и происходит в Европе. Направляемая элитами социал-демократия слишком энергично нарушала критически важные балансы и социальные ритмы, необходимые европейцам для поддержания зрелой политической демократии. Коренной чертой европейского проекта являются политика без политиков на общеевропейском уровне и наличие политиков в отсутствие политики на уровне государств. Такая конструкция имеет саморазрушительный характер. Иными словами, перед нами культурные противоречия не капитализма, а самой демократии. (И хотя я веду здесь речь в основном о Европе, кое-что из этого анализа наверняка применимо как к американскому обществу, так и к другим форпостам либеральной демократии во всем мире.)

Пять революций и парадокс демократии

Главный политический парадокс нашего времени состоит в том, что именно те ключевые факторы, которые во многом определили начальный успех европейского проекта, в настоящее время препятствуют выходу из кризиса. Кризис доверия к демократическим институтам в Европе является не результатом провала демократизации и интеграции общества, а, наоборот, следствием гипертрофированного и несбаланси-

рованного успеха обоих процессов. В своей известной работе «Культурные противоречия капитализма» Даниел Белл пришел к неутешительному выводу, что институты могут непреднамеренно содействовать разрушению собственных основ. И он был не единственным пророком в этом вопросе, и даже не самым прозорливым из них. Еще двадцать лет назад Лешек Колаковский писал: «Когда я снова, через много лет, просматривал книгу Поппера “Открытое общество и его враги”, меня поразило, что, нападая на тоталитарные идеологии и движения, автор совершенно не учитывал оборотную сторону этой угрозы. Я имею в виду некое свойство открытого общества, которое, наверное, можно назвать склонностью к перерождению (*self-enmity*), причем речь идет не только о внутренне присущей демократии неспособности эффективно защитить себя от внутренних врагов исключительно демократическими методами, но и, что важнее, о более глубокой тенденции, когда распространение и последовательное применение либеральных принципов со временем превращает их в собственную противоположность»⁴.

Колаковский обратил внимание на процесс «самоотравления», характерный для открытого общества, и эта мысль чрезвычайно важна для понимания проблем, с которыми сейчас сталкивается Европа. Она позволяет предположить, что такое «самоотравление» является побочным следствием пяти революций, которые — начиная с 1968 года — разбили наш прежний мир вдребезги:

- культурная революция 1960-х годов, которая объявила нелегитимными все виды социальной иерархии и поставила в центр политики личность;
- рыночная революция 1980-х, которая делегитимировала роль государства как главного хозяйствующего субъекта;
- революции 1989 года в Восточной

и Центральной Европе, которые, по-видимому, должны были примирить культурную революцию 1960-х годов (ей сопротивлялись правые) и рыночную революцию 1980-х (отвергаемую левыми) и убедить нас в правильности антиисторичного тезиса о вечности либеральных демократий (как если бы История на них заканчивалась);

- революция 1990-х годов в области средств коммуникации, резко ускорившая распространение кибернетических технологий, в том числе Интернета;
- революция 2000-х в нейробиологии, которая изменила наши представления о том, как работает человеческий мозг, что позволило более эффективно манипулировать эмоциями, так что они пришли на смену рациональному началу в ключевых сферах демократической политики.

На ранних этапах каждая из этих революций способствовала расширению и углублению демократии. Культурная революция нанесла удар по авторитарной семье и придала новый смысл идее индивидуальной свободы. Рыночная революция способствовала глобальному распространению демократических режимов и краху коммунизма. Революции 1989 года расширили и укрепили демократию в Европе и устранили внешнюю угрозу, нависавшую над европейской безопасностью. Интернет-революция открыла гражданам доступ к новой информации и к средствам самовыражения, а также, возможно, расширила наши представления об обществе, способствуя переосмыслению самого понятия «политическое сообщество»: теперь обмен информацией и образами делает необязательной физическую принадлежность к сообществу. А новая наука о мозге восстановила в правах роль эмоций в политике и политической жизни.

Парадоксально, но последствия этих же пяти революций ныне способствовали кри-

зису либеральной демократии в Европе (а возможно, и не только в Европе). Культурная революция ослабила устремленность к общей цели, сделав демократии менее управляемыми. Политика шестидесятых также вылилась в бесконечные претензии индивидов к обществу и государству. Стремление к идентичности — этнической, гендерной или конфессиональной — подчинило себе общественный дискурс. Сегодняшняя негативная реакция на мультикультурализм — прямое следствие провала политики 1960-х, пытав-

зис управляемости в сегодняшних западных демократиях. Если оставить в стороне всю ироничность ситуации, когда новый сверхконсюмеризм на Западе восторжествовал вслед за победой над марксистским материализмом, то восстание против элит объясняется тем, что большинство рядовых граждан теперь считают, что политические и социальные изменения в ходе «неолиберальных десятилетий» благоприятствовали процветанию элит за счет всех остальных. На этом новом дивном мировом рынке элиты, порвав

“Сегодняшняя негативная реакция на мультикультурализм — прямое следствие провала политики 1960-х, пытавшейся выработать единый взгляд на общество”.

шейся выработать единый взгляд на общество. Рост антииммигрантского национализма в Европе, разумеется, опасная тенденция, но ведь она отражает глубинный и законный порыв сообщества к совместной жизни, объединенной единой, целостной культурой, поэтому воспринимать этот факт просто как ксенофобию, или ненависть к иностранцам, было бы ошибкой. Рост зачастую гневного популизма в Европе показывает нам, что столкновение противоборствующих требований в современном обществе не может быть разрешено сведением демократической политики к политике прав человека.

Рыночная революция 1980-х сделала общества богаче и взаимосвязаннее, чем когда-либо, но она же нарушила положительную корреляцию между распространением демократии и распространением равенства. С конца XIX века и по 1970-е годы показатели неравенства в развитых обществах Запады неуклонно снижались. И вот появление глобального капитализма обратило тенденцию вспять: на первый план вышли одержимость накоплением богатств и накал антигосударственных страстей, которые и породили кри-

идеологические, национальные и локальные пути, построили офшорную экономику и создали гигантскую систему уклонения от уплаты налогов, через которую утекают триллионы долларов и которая открыта только для очень богатых людей. Поэтому, если во времена Великой депрессии люди в большинстве своем утратили доверие к рынку, а в 1970-х и 1980-х — к государству, вновь обретя веру в рынок, то сегодня они все меньше доверяют и тому и другому.

Провозгласив демократию единственно нормальным состоянием общества и ограничив демократизацию имитацией институтов и практик развитых демократий, новая посткоммунистическая идеология в Центральной Европе совершила сразу два греха. Во-первых, она стала слишком упрощенно трактовать напряженность в отношениях между демократией и капитализмом, которая, вообще-то говоря, внутренне присуща и даже необходима всем рыночным демократиям, а это, в свою очередь, способствовало становлению триумфализма, превратившего демократию из добровольно выбираемого типа общества в единственно легитимный

образец для всего человечества. Демократия устранила своих критиков, а вместе с ними и часть своего творческого потенциала, не утратив при этом своих противоречий и не избавившись от своих врагов.

Интернет-революция фрагментировала общественное пространство и проложила новые границы между политическими сообществами. Как ни печально, свободное распространение информации превратилось в бурный поток, угрожающий смыть любые контексты и нюансы публичных дискуссий. Общественные СМИ, возможно, позволяют простым людям более эффективно противостоять сильным мира сего (хотя и это совсем не очевидно), но они ничего не сделали для укрепления делиберативного и представительного процессов в рамках демократии. Иными словами, они продемонстрировали, что могут разрушить общество, как это произошло в Египте, но не доказали, что могут способствовать созданию на его месте нового общества.

Стремительный прогресс когнитивных наук помог нам понять, как люди думают, но это новое знание вполне может превратиться в мощный инструмент манипулирования общественным сознанием. Это будет означать радикальный разрыв с традицией Просвещения, то есть политикой, основанной на идеях, так что олицетворением неолемогратической политики XXI столетия может стать не Карл Поппер, а Карл Роув.

Короче говоря, мы достигли, по выражению Александра Гершенкрона, «узловой точки». За сравнительно короткий период мы стали свидетелями и участниками пересмотра — эстетического, идеологического и институционального — концепций демократии и европейского общества. Эти переоценки еще продолжаются, но в голову уже приходит мысль о несоответствии нашей политики социальной реальности. Нынешний кризис в действительности не банковский и

не денежный. И дело даже не в институциональном несовершенстве Европы. Он гораздо глубже.

Новый популизм

В 1960-е годы многие либералы опасались, что демократические институты в Европе останутся заложниками авторитарной культуры, из которой они — совсем недавно — возникли. В ходе Второй мировой войны большинство европейцев сражалось на стороне недемократических или антидемократических режимов; эти режимы в конечном счете были уничтожены, чего никак нельзя сказать о мировоззренческих установках, из которых они выросли. Сегодня мы сталкиваемся с противоположной проблемой: не порядок уничтожает свободу, а свобода разрушает порядок. Сейчас в Европейском союзе права граждан защищены, доступ к информации, а также возможности передвижения и выбора стиля жизни шире, чем когда-либо раньше. Однако в последние сорок лет эти свободы все больше парализуют демократические институты Европы. Демократические общества становятся неуправляемыми, потому что утрачивается идея общности и общественного интереса. Доверие к политикам упало до рекордно низкого уровня.

В настоящее время в ходе европейского экономического кризиса формируются две совершенно разные концепции демократии. В таких странах, как Германия, вес ответственности в демократической политике возрастает, в то время как в Греции и Италии влияние общества на принятие решений, особенно экономических, ослабевает. То, что Берлин и Париж имеют предложить гражданам Италии, Греции и Испании, — это демократия, позволяющая избирателям сменить правительство, но не базовые принципы экономической политики этого правительства. Логика предлагаемых мер по укреплению евро подразумевает вывод почти всех про-

цессов принятия экономических решений из сферы электоральной демократии, ставя граждан в странах-должниках перед небогатым выбором: либо «демократия без права выбора», либо выход на улицы ⁵.

Результаты такого изменения обычной практики настолько странны, что нам трудно формулировать и классифицировать то, что мы видим, и потому мы зачастую проходим мимо увиденного, не улавливая его. Подобно персонажам романа Жозе Сарاماго «Зрение» («*Seeing*»), европейцы становятся

своего общества, они выбирают и то и другое сразу: и процветание, и защищенность Европы от внешнего мира.

Поэтому сегодня европейской демократии угрожает не усиление антидемократической альтернативы, а совершенно демократическое желание граждан не выбирать вообще «ничего из вышеперечисленного». Как писал Пьер Розанваллон, «деятельность оппозиции все чаще сводится к обвинениям (по модели великих английских политических процессов в XVII–XVIII веках), и это размывает

“Демократические общества становятся неуправляемыми, потому что утрачивается идея общности и общественного интереса”.

все более аполитичными, но их нежелание делать вид, будто то, что еще осталось от национальных электоральных механизмов, действительно позволяет им делать выбор, очень опасно. Они все чаще не идут к избирательным урнам, а выходят на улицы. Они критикуют капитализм не с политических, а с моральных позиций. Они считают свой лагерь альтернативой, но не могут четко сформулировать, за что же он выступает. У них нет лидеров, потому что они не хотят быть чьими-то последователями.

Может быть, самое удивительное в современных европейских бунтарях – то, что они стремятся сохранить существующий статус-кво, так что мы наблюдаем своего рода «1968 год наоборот». Тогда студенты на улицах европейских городов заявляли о своем нежелании жить в мире, в котором жили их родители. Теперь же студенты выходят на улицы, чтобы заявить о своем праве жить в мире их родителей, но боятся, что им этого не позволят. Оказавшись перед выбором между открытием государственных границ во имя сохранения процветания и закрытием их во имя сохранения культурной самобытности

представление о политике как конкуренции различных программ. Соответственно образ гражданина-избирателя на наших глазах трансформируется в образ гражданина – присяжного заседателя» ⁶.

В свете этого становится понятным, почему большинство современных общеевропейских голосований заканчивается референдумами, демонстрирующими несогласие с идеей Европы как объединения элит, созданного элитами в интересах элит. Однако до недавнего времени ни одно из этих волеизъявлений, в том числе и «нет» французов и голландцев на референдумах по европейской конституции, не мешало европейской элите продавливать свои проекты. В результате, как минимум на периферии европейского общества, в настоящее время сложились конспиративно мыслящие, активные и влиятельные меньшинства, которые страшатся будущего. А страхи такого масштаба могут иметь самые серьезные политические последствия – мы слишком хорошо это знаем.

Обратимся к совсем недавнему прошлому. Проведенный в феврале 2011 года опрос на тему национальной идентичности и

экстремизма показал, что огромное число британцев готово поддержать националистическую партию, выступающую против иммиграции (если только она не будет ассоциироваться с образами насилия и фашизма). Опрос общественного мнения в марте 2011-го во Франции продемонстрировал, что лидер крайне правых Жан-Мари Ле Пен стал бы одним из двух победителей в первом туре голосования. Опрос, проведенный Институтом социологических исследований и статистического анализа *Forsa* в мае 2011 года, обнаружил, что «правые идеи привле-

ше). Исследование, проведенное фондом Фридриха Эберта в восьми европейских странах в 2011 году, показало, что 77 проц. венгров считают иммигрантов бременем для государства всеобщего благоденствия и что большинство венгров и поляков выступают против интеграции иностранцев в их культуры. Более позднее исследование показало, что состоятельные европейцы — одна из самых пессимистически настроенных социальных категорий граждан на планете. И если в конце прошлого века европейцы считали, что глобализация обеспечивает им

“Демократические институты в Европе сейчас более прозрачны, чем когда-либо раньше, но и доверяют им меньше, чем в прошлые времена”.

кают неожиданно большую часть немецкого населения». Около 70 проц. опрошенных заявили, что Германия слишком щедро финансирует Европейский союз. Почти половина хочет, чтобы ФРГ резко сократила иммиграцию. Наконец, 38 проц. респондентов высказали мнение, что они предпочли бы жить в «независимой Германии без евро, где ЕС не имел бы никакой юридической власти».

Удивительно, но правые идеи находят очевидную поддержку как у правоцентристов, так и у крайне левых. В Дании, Италии, Швеции, Нидерландах, Австрии и Финляндии антииммигрантские партии в настоящее время достаточно сильны, чтобы серьезно влиять на национальную политику. В Центральной и Восточной Европе страх перед иммигрантами не относится к числу главных политических проблем (прежде всего потому, что здесь меньше иммигрантов). Но уровень ксенофобии и расизма в этих странах тем не менее очень высок (на самом деле здесь он гораздо выше, чем в Западной Европе, где иммигрантов боль-

заметные выгоды, то сегодня они, в большинстве своем, ощущают себя проигравшими⁷.

Такие результаты опросов — не просто следствие общенациональных групповых неврозов. Чем больше решений принимается в Брюсселе, в Европейском центральном банке или в штаб-квартирах корпораций по всему миру, тем меньше у целостных исторических сообществ Западной Европы возможностей управлять своей повседневной жизнью. В то же время число иммигрантов так велико, что сами эти сообщества постепенно теряют свой традиционный облик и свой характер, а культурные отличия иммигрантов от принимающего населения столь существенны, что ассимиляция, скорее всего, просто невозможна. Почти во всех странах Западной Европы встревоженное большинство фактически ведет себя как угнетаемое меньшинство. Люди склонны объяснять реальную или воображаемую утрату контроля над собственной жизнью сговором между космополитически мыслящими элитами и иммигрантами с их родо-племенной ментальностью, отвергающими подлинную

социальную интеграцию на условиях большинства. В разных формах и по разным причинам те и другие проповедают «мир без границ», которого обычные люди все больше боятся и который ненавидят.

Итак, по иронии судьбы, демократические институты в Европе сейчас более прозрачны, чем когда-либо раньше, но и доверяют им меньше, чем в любые прошлые времена. Демократические элиты меритократичны, как никогда, но и менее эффективны, чем когда-либо. Наши общества беспрецедентно более открыты и демократичны, но и менее эффективны, чем прежде. Европейский союз, который не может существовать в качестве элитарного проекта, не выживет и как демократический проект: теперь все зависит от того, станем ли мы свидетелями рождения европейского *демоса* или же демократия будет по-прежнему контролироваться элитами. Демократия без *демоса* имеет еще меньше шансов выжить, чем единая валюта без единого казначейства.

В процессе интегрирования Европы ее адепты существенно подорвали легитимность национальных европейских государств, но при этом им не удалось создать единое европейское общественное пространство и общеевропейскую политическую идентичность. Поэтому популистские шараханья в ЕС означают возрождение более локальной, но и более глубокой культурной идентичности в отдельных европейских странах. Они смещают европейскую политику в направлении менее инклюзивных и, возможно, менее либеральных концепций политического сообщества.

Общественность в большинстве европейских стран боится старения и сокращения населения (депопуляция). Люди опасаются, что иммигранты или этнические меньшинства захватят их страны и будут угрожать их образу жизни. Они с тревогой ощущают, что европейское процветание уже не является

чем-то само собой разумеющимся и что влияние Европы на мировую политику снижается. Вопреки ожиданиям многих политических наблюдателей, экономический кризис не уменьшил, а увеличил привлекательность национализма. В чисто политическом плане максимум преимуществ из кризиса извлекли не левые эгалитаристы, а правые ксенофобы. Однако мы должны проявить осторожность: резкое разделение на левых и правых, определявшее структуру европейской политики еще со времен Французской революции, постепенно размывается. С появлением правых популистов, о которых не было слышно с 1930-х, а кое-где и с 1920-х годов, к руководству пролетарскими движениями могут прийти откровенно антилиберальные лидеры. Встревоженное большинство, то есть те, кто сейчас имеет всё и, следовательно, всего боится, становится основной движущей силой в европейской политике. Новый нелиберальный политический консенсус не ограничивается правым радикализмом, он предполагает изменение самого европейского мейнстрима. И дело не в том, что экстремисты говорят, будто Европа в опасности, а в том, что о некоторых вещах европейские лидеры больше не говорят, например, о том, что разнообразие Европы только на пользу ей.

Встревоженное большинство по-настоящему боится проиграть в результате глобализации. Глобализация, вероятно, в том или ином виде способствует росту численности среднего класса за пределами развитого мира, но вместе с тем она подрывает экономические и политические основы существования среднего класса в обществах, возникших после Второй мировой войны в Европе. В этом смысле новый популизм выражает интересы не тех, кто проиграл или проигрывает сегодня, а тех, кто может остаться в проигрыше завтра.

Новый популизм радикально отличается от традиционных популистских движений

XIX—XX веков и по своей лексике, и по политическим целям, и по идеологическим источникам. Он выражает не чаяния угнетенных, а фрустрацию тех, кто наделен всеми правами. Это не популизм «народа», пребывающего в рабстве (в романтическом воображении националистов), как это было сто и более лет назад, а популизм недовольного прагматичного большинства, как это видно из почти ежедневно публикуемых опросов общественного мнения. Это весьма специфический популизм, к которому мы не готовы по причине отсутствия исторических прецедентов.

Новостные СМИ сообщают о банках, дефолтах и франко-германских разногласиях по вопросам фискальной политики. Они говорят о доброжелательных технократах и разгневанной молодежи. Некоторые из них теперь даже готовы признать, что при сохранении более чем двух десятков отдельных казначейств единая валюта была обречена на провал с самого начала. Те, кто действительно верит в европейский проект, любят напоминать нам, что на протяжении многих лет Европа походила на человека, отчаянно перепрыгивающего с камня на камень в стремлении перейти на другой берег бурной реки, раз за разом разрешая отдельные кризисы таким образом, чтобы продвигаться к желанному далекому берегу. Нам действительно следует беспокоиться, но наше беспокойство должно сыграть роль

топлива, которое позволит нам достичь новых успехов.

Увы, спасительных камней больше не видно, поэтому нет и продвижения к другому берегу. На этот раз главная неувязка всего европейского проекта состоит в том, что *демос* должен предшествовать новому государственному устройству и экономической интеграции, а не плестись за ними. Внесем ясность: появление либеральных демократий, контролируемых элитами, в послевоенной Западной Европе сделало европейскую интеграцию возможной и успешной, и сегодняшние беды Европы связаны именно с трансформацией этих режимов под воздействием нового популизма. Истинная причина экономического кризиса в Европе заключается в том, что никто, нигде и никогда в Европе не пытался заложить мало-мальски прочный социальный фундамент под политическое и экономическое здание, которое стремились построить европейские элиты. Успех демократии в Европе на корневом уровне, то есть на уровне большинства, в настоящее время позволяет европейцам выражать свое несогласие если не с самим проектом, то с некоторыми связанными с ним неудобствами. То есть реальный кризис, переживаемый Европой, — это кризис политической культуры. Все остальное второстепенно. И единственный способ спасти европейский проект — это начать его заново и по-новому. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Davies N.* Diminished and Disdained, the Euroland Will Yet Defy the Skeptics // *Financial Times*. 2011. Oct. 28.

² См.: *James H.* Channeling Alexander Hamilton // *The American Interest*. 2012. Jan./Febr.

³ См., например: *Lynch A. C.* What Russia Can Be: Paradoxes of Liberalism and Democracy // *The American Interest*. 2006. Nov./Dec.

⁴ *Kolakowski L.* Modernity on Endless Trial. Univ. of Chicago Press, 1990. P. 162.

⁵ *Krastev I.* The Balkans: Democracy without Choices // *Journal of Democracy*. 2002. July.

⁶ *Rosanvallon P.* Democracy Past and Future. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2006. P. 244.

⁷ *Global Barometer of Hope and Despair for 2011.*